КЛАССИКИ
ШАХМАТНОГО МИРА

Владимир МАКОГОНОВ

В. Асриян

SPORT
ЧЕЛОВЕК

ББК 75.581
А 90

Издательство «СПОРТ» –
член Международной ассоциации издателей
спортивной литературы

Фото из архива С. Воронкова, В. Макогонова, Д. Гургенидзе

Асриян В.

А 90 Владимир Макогонов. – Классики шахматного мира. – М.: Спорт, Человек, 2016. – 232 с.: ил.

ISBN 978-5-906131-97-3

Это 2-е издание книги, исправленное и дополненное. Автор, кандидат в мастера спорта, ученик гроссмейстера, не только рассказывает о жизни и творческом пути шахматиста: в данном издании более широко представлено теоретическое наследие В. Макогонова, чья система до сих в «арсенале» сильнейших шахматистов мира.

Книга будет интересна широкому кругу любителей шахматной игры и шахматистам-разрядникам, более глубоко изучающим шахматную теорию.

ББК 75.581

ISBN 978-5-906131-97-3

© Асриян В., 2016.
© Оформление, издание, «Спорт», «Человек», 2016

Содержание

Вместо предисловия. Знакомство 5
Глубина математика
Феномен из «феномена» 10
Потемкин, Ландау, Иовлев... 13
Дебютант становится мастером 18
Дороги, которые мы выбираем 21
Возвращение 24
Лихорадка в турнирной «лихорадке» 28
Гроза могучих чемпионов 32
Прерванный полуфинал, недоигранный матч, турнир в «огне» 40
Последний взлет, последний чемпионат 48
Тренер 57
Люди, годы, жизнь... 61
Идеи, идеи, идеи... 64
Дебютная стратегия 71
Любимый Каро-Канн 78
Говорят гроссмейстеры 85
Школа Макогонова 92
Старший брат 95
Вместо послесловия 100
Маэстро 102
Избранные партии 107
Краткой нотацией 205
Приложения 216

ГЛУБИНА МАТЕМАТИКА ФЕНОМЕН ИЗ «ФЕНОМЕНА»

В один из жарких летних дней 1919 года в популярное в ту пору бакинское кафе «Феномен» на берегу Каспийского моря вошел пятнадцатилетний паренек. Он знал, что здесь собираются по вечерам лучшие бакинские шахматисты – сыграть несколько легких партий (к их услугам всегда были три-четыре комплекта шахматных фигур), обменяться последними новостями.

... За одним из столиков задумался над ходом хоть и молодой, но уже известный в городе журналист и шахматист Абрам Гурвич. Его партия и привлекла внимание юного посетителя. Некоторое время он молча наблюдал за тем, как разворачиваются события на шахматной доске, но в один момент, увидев, что оба партнера не замечают эффектного комбинационного удара, не удержался:

— Белые могли ведь пожертвовать ладью и выиграть!

— Садитесь, молодой человек, – обратился к нему, закончив партию, Гурвич. – Комментировать вы умеете, а вот посмотрим, как вы играете!

Выяснилось – играть юноша умел. Гурвич убедился в этом довольно скоро, проиграв две партии кряду. Затем настала очередь другого завсегдатая кафе – Лурье. И он был бит.

— Это поразительно! – вскричал Гурвич. – Мальчишка делает с нами, что хочет. Феномен какой-то. Феномен в «Феномене»! Я нашел заголовок для отличной заметки. Пойдемте, пойдемте, со мной молодой человек, мне нужно с вами поговорить.

— Кстати, как вас зовут? – спросил по дороге домой журналист, который уже набрасывал в мыслях контуры любопытного материала.

— Володя.

— А фамилия?

— Макогонов.

Жила семья Макогоновых в небольшом бакинском пригороде Раманы, где отец, Андрей Петрович, работал счетоводом на одном из нефтепромыслов. После окончания службы в царской армии он получил небольшой надел земли в слободе Воздвиженской, близ Грозного, но нужда и нефтяной бум заставили его сняться с места. Приехали Макогоновы в Баку в 1905-м. А спустя четыре года у пятилетнего

Володи не стало матери. До этого умерли в раннем возрасте двое его братьев и две сестры. Но, несмотря на эти утраты, семья оставалась достаточно большой. К началу двадцатых годов в ней было семь человек – отец и шестеро сыновей: Виктор, Михаил, Василий, Николай, Владимир и Валентин.

— Шахматные учебники читали когда-нибудь? – спросил Гурвич.

— Нет.

— А как же играть научились?

— Мишка, старший брат, научил. Вот мы с ним и играем.

Узнал Гурвич и о том, что Володя окончил школу первой ступени (5 классов) в Раманах, а теперь заканчивает другую – второй ступени (четырехклассную) в соседнем пригороде – Сабунчи.

— Рад был познакомиться, – сказал Гурвич на прощание. – Обязательно приходите завтра в кафе. Я вас с Шульманом сведу. Давно пора спесь с него сбить.

На следующий вечер в «Феномене» собрался весь шахматный Баку. Макогонов стоял в стороне, лишь поглядывая на доски, в то время как Шульман, весьма самоуверенный человек лет сорока-сорока пяти раз за разом обыгрывал своего постоянного партнера Чинкнаверова.

— Ты сегодня в ударе, – сказал Шульману подошедший к его столику Лурье, на которого «по сценарию» возлагалась задача «завести» Шульмана.

— Да, уж сегодня у него не выиграть, – сокрушенно развел руками Чикнаверов.

Шульман довольно улыбался.

— Послушай, – сказал ему Лурье. – А может, с этим парнем сыграешь? Очень неплохо играет. Володя, подойдите сюда, пожалуйста, – подозвал он Макогонова.

Шульман высокомерно оглядел предлагаемого ему соперника и пожал плечами.

— Зачем вы мне этого мальчика подсовываете? Я ведь на ставку играю. А детей грабить не собираюсь.

— Я за него поставлю, – ответил Лурье. – Так что совесть твоя может быть спокойна.

— Ну, если у тебя лишние деньги завелись, то – пожалуйста.

Шульман быстро договорился с Лурье о величине ставки и снисходительным жестом предложил Макогонову занять место за его столиком. Партия началась. Через двадцать ходов все было кончено – король Шульмана попал под матовую атаку.

Лурье улыбался.

— Может быть, удвоим ставку? – спросил его раздосадованный Шульман.

— Пожалуйста.

Вторая партия длилась на десять ходов больше, но закончилась, как и первая, победой Макогонова.

Проиграв и третью, Шульман, не глядя ни на кого, без слов заплатил проигрыш и покинул кафе.

— Друзья, так ведь этот юноша в течение двух дней доказал, что лучше него никто в Баку не играет! – воскликнул Гурвич, когда улеглось веселье, вызванное невиданным фиаско Шульмана.

— Держите, Володя, – сказал Лурье, протягивая Макогонову несколько купюр. – Это ровно половина моего выигрыша. Она по праву ваша.

Володя начал было отказываться, но уговоры взрослых подействовали, и он взял деньги. Попрощался с такой близкой ему уже шахматной компанией и вышел из кафе. Деньги приятно похрустывали в руках. «Прокатиться на фаэтоне, что ли, по всему городу? – подумал он. И вдруг, хлопнув себя по голове, помчался в книжный магазин. Сколько раз, проходя мимо, долго смотрел он на продававшиеся здесь шахматные учебники Дюфреня и Шифферса! Смотрел и, вздохнув, уходил. Не было денег на покупку, а дома просить не решался: знал – туго семье приходится. Но теперь другое дело – сам заработал деньги! Володя купил оба учебника, и, листая их на ходу, не спеша пошел к Сабунчинскому вокзалу, откуда отправлялись пригородные поезда. Возле вокзала он позволил себе еще одно удовольствие – купил жареные каштаны. Бойкие продавцы жарили их прямо на улице. Каштаны, лопаясь, аппетитно «выстреливали», привлекая охочих до этого лакомства покупателей. Пройдут годы, и заслуженный мастер спорта Владимир Макогонов увидит в Риме продавцов каштанов, как две капли воды, похожих на бакинские – времен его детства. Вспомнит тот счастливый день, когда, купив первые в своей жизни шахматные учебники и набив карманы горячими, обжигающими ладони каштанами, довольный, долго стоял у вокзала, не торопясь возвращаться домой. И еще вспомнит Макогонов, покупая каштаны на шумной, наполненной зазывными криками торговцев улице Вечного города, что «стреляли» они тогда в Баку точно так же, как спустя тридцать лет в Риме. Мог ли он, мальчишка, мечтать в том памятном девятнадцатом году о поездке в Италию, о Риме?.. Утверждают, что все дороги ведут в Рим, но выйти даже на одну из них – дело совсем не простое.

ПОТЕМКИН, ЛАНДАУ, ИОВЛЕВ…

Он появился в Баку года через два после того, как Володя Макогонов произвел фурор в «Феномене». Фамилию носил звучную – Потемкин – и утверждал, что его генеалогическое древо восходит к знаменитому екатерининскому фавориту – Григорию Александровичу Потемкину. Звали потомка всесильного во времена императрицы вельможи – Николай Александрович. Было ему в начале двадцатых, когда он приехал в Баку из Москвы, уже семьдесят, имел первую категорию по шахматам, которую завоевал еще в дореволюционных турнирах. К нему относились с большим уважением. Не только потому, что в Баку кроме него ни у кого не было первой категории. Потемкин слыл блестящим пианистом, знал чуть ли не все европейские языки. Его начитанность, эрудиция привлекали окружающих, среди которых было немало людей, обладавших широкими познаниями в самых разных областях. Что же говорить о юном Макогонове, который с первых дней знакомства был очарован приезжим шахматистом. Чувство симпатии было взаимным – очевидно, Потемкину импонировала шахматная одаренность Володи. Они подружились, несмотря на солидную разницу в возрасте. «Разница? Да я ее не вижу! – шутил Потемкин. – Мне – семьдесят один, моему юному другу – семнадцать. Надо только переставить цифры, и никакого различия».

Макогонов частенько приходил домой к Николаю Александровичу поиграть в шахматы. Жил он в самом центре города, на втором этаже трехэтажного дома. Наверху кто-то постоянно упражнялся в игре на фортепьяно, и это раздражало Потемкина, потому что музицировал сосед с третьего этажа скверно и мешал сосредоточиться на партии с Макогоновым. Не раз во время очередного поединка он, к удивлению партнера, вдруг нервно взмахивал рукой и восклицал: «Ошибка!» Макогонов сразу же начинал проверять варианты, пытаясь понять, где же ошибка. Но потом выяснялось, что ошибся не он, а сосед-музыкант, в очередной раз взявший не ту ноту.

Брат Михаил и Потемкин были постоянными партнерами Владимира Макогонова в то время. В партиях с ними он набирался практического опыта. А что касается шахматной теории, то весь теоретический багаж братьев заключался в знаниях, почерпнутых из ку-

пленных на деньги Лурье учебников и шахматного раздела журнала «Нива», который Владимир и Михаил регулярно читали.

Шел 1923 год. Решено было провести наконец первый чемпионат Баку. Собрали двенадцать участников. Это была сплошь знакомая по «Феномену» компания – Гурвич, Чикнаверов, Лурье. Шульман, братья Даниловы, один из которых был журналистом, а другой – Даниил – впоследствии стал известным в Баку музыковедом, заведующим кафедрой истории музыки Азербайджанской государственной консерватории и, между прочим, в течение 25(!) лет носил звание чемпиона республики по теннису.

Играли без судей, часы были не на всех столиках, шахматы приносили с собой, но, несмотря на все трудности, играли с азартом, увлеченно. Фаворитом (преклонный возраст не смущал) считался Потемкин – авторитет единственного первокатегорника был велик. Остальные играли примерно в силу второй категории, исключая, пожалуй, братьев Макогоновых, в мастерстве уже не уступавших Потемкину. Это показал и турнир. Набрав 9 очков из 11, братья разделили 1-2-е места. Третьим был Потемкин. Любопытный эпизод произошел при награждении победителей. Были установлены три приза: дюжина туалетного мыла (по тем временам очень ценный приз), ваза и кофейник. Макогоновым как первым двум призерам предложили взять на выбор любые два приза. Оба брата одновременно посмотрели на мыло, но в этот момент Потемкин, сидевший рядом с Володей и Михаилом, шепнул: «Оставьте мыло мне, ребята. Хорошо?» Братья согласно кивнули, и Владимир взял вазу, которую бережно хранил всю жизнь.

Итак, в 1923 году Владимир Макогонов стал чемпионом Баку по шахматам. К этому времени он был уже студентом второго курса физико-математического факультета Азербайджанского государственного университета. А поступал он на него вместе с худощавым мальчиком, которого звали Лева Ландау. Будущему Герою Социалистического Труда, лауреату Нобелевской, Ленинской и трех(!) Сталинских премий, выдающемуся ученому-физику Льву Давидовичу Ландау было в год поступления в университет... 14 лет. Он приписал себе два года, обманув приемную комиссию и стал сокурсником Макогонова. Сидели на лекциях рядом, вместе готовились к экзаменам. Ландау очень любил шахматы (играл, по словам Макогонова, в силу современного перворазрядника) и нередко после занятий приглашал Володю к себе домой. А жил Лева в хорошо известном всем бакинцам доме в самом центре города, на углу улиц Торговой и Красноармей-

ской, который спустя годы стали называть в городе не иначе как «дом Ландау» (об этом говорила и мемориальная доска, установленная на фасаде здания). Сыграв партию-другую, друзья обсуждали университетские новости, делились планами. Принимали гостя всегда тепло и радушно. Мама Левы – Любовь Вениаминовна Гаркави-Ландау – преподавала в университете, была доцентом кафедры физиологии, так что Макогонов с ней уже встречался в студенческих аудиториях. С отцом же – Давидом Львовичем, инженером-технологом «Азнефти» – познакомился уже в гостях у Левы. Так же, как и с его сестрой – красавицей Сонечкой. Она охотно включалась в беседу, любила смотреть, как друзья играют в шахматы, и никогда не забывала приготовить для них очень вкусное какао или густой, ароматный кофе.

Они проучились вместе меньше трех лет. На третьем курсе Ландау за особые успехи был переведен в Ленинградский университет, и встретиться снова им довелось только спустя пять лет. Случилось это в Кисловодске в 1929 году. Мастер Владимир Макогонов давал сеанс одновременной игры отдыхающим и, закончив его, собирался было уйти, как вдруг кто-то окликнул его. Это был Ландау. Друзья обнялись, расцеловались. Еще бы, не виделись так давно! Провели вместе целый день, рассказывая каждый о своих делах. Ландау работал уже в Ленинградском физико-техническом институте, которым руководил академик А.Ф. Иоффе, опубликовал свои первые работы по теоретической физике и готовился отправиться по направлению Наркомпроса в длительную научную командировку за рубеж, где его ждали встречи с Альбертом Эйнштейном, Нильсом Бором, Вернером Гейзенбергом и другими выдающимися учеными.

Но и Макогонову было о чем рассказать другу. Он начал с того самого 1924 года, когда Ландау уехал из Баку. Михаил (он был старше брата на четыре года) уже работал преподавателем черчения, а Владимир совмещал учебу в университете с преподаванием арифметики и алгебры на организованных для рабочих-нефтяников курсах. После победы в чемпионате Баку очень хотелось сыграть в новом турнире, помериться силой с шахматистами других городов. И вот такой случай представился. Братья прочли в «Известиях», что в Москве организуется Всесоюзный турнир чемпионов городов. Желающим предлагалось заполнить и выслать в адрес организаторов специальную анкету. Михаил поехать не смог, а Владимир заполнил анкету и, получив через пару недель приглашение на турнир, отправился в Москву. Поначалу волновался – ведь это было его первое выступление за пределами родного города. Но, убедившись, что класс игры участ-

ников не выше его собственного, успокоился и заиграл увереннее. Турнир чемпионов городов проходил одновременно с 3-м первенством СССР, причем оба соревнования игрались в одном и том же помещении. Макогонов вспоминал, как во время партии с Майзелисом он вдруг увидел у своего столика Ефима Боголюбова. Сильнейшего шахматиста страны тех лет и будущего участника двух матчей на мировое первенство, видно, заинтересовала партия неизвестного ему бакинца, и он несколько минут внимательно изучал возникшую позицию.

Итог выступления Макогонова оказался достаточно хорошим и дал ему право на присвоение первой категории – в далеких двадцатых стать шахматистом такой квалификации означало преодолеть важный рубеж на пути к мастерству.

В 1926 году Владимир во второй раз становится чемпионом Баку и заканчивает учебу в университете. На его незаурядные математические способности давно уже обратил внимание магистр чистой математики (существовало тогда и такое звание) профессор Николай Николаевич Иовлев. Это была авторитетная в научном мире личность. Известностью пользовались его сборник лекций по вариационным исчислениям, учебник геометрии и другие книги. Иовлев, который говорил, что у него три подающих надежды студента – Ландау, Макогонов и Лопатинский, оставляет двух последних (Ландау уже был в Ленинграде) у себя на кафедре ассистентами. В мае Владимир получает диплом, в сентябре готовится приступить к ассистентским обязанностям, как вдруг Иовлев совершенно неожиданно для всех переезжает в Минск. Желание остаться в университете и продолжить научную работу у Макогонова сразу пропало. В отсутствие Иовлева она потеряла для него свою привлекательность, и он идет работать учителем в среднюю школу в Сабунчах.

Здесь молодой педагог вел три предмета – математику, физику и астрономию. На первых же занятиях его внимание привлек худощавый паренек с острым пытливым взором. Звали его Коля Байбаков. Впоследствии имя Николая Константиновича Байбакова, доктора технических наук, наркома нефтяной промышленности и многолетнего председателя Госплана СССР, станет известно всей стране.

Наступил 1927 год, которому суждено было сыграть важную роль в шахматной биографии Владимира Макогонова. Именно тогда двадцатитрехлетний бакинец заявил о себе как об одном из наиболее перспективных молодых шахматистов страны. Никогда

еще до этого он не играл в стольких сильных по составу турнирах, закончившихся чемпионатом СССР. Но о нем разговор особый. А вначале было приглашение на турнир в Кисловодске, где играли такие известные мастера, как Дуз-Хотимирский и Вильнер. Специалисты с некоторым удивлением восприняли результат соревнования – Макогонов стал одним из его призеров, заняв второе место. В середине марта началось Всесоюзное первенство работников просвещения. Оно состояло из предварительного турнира и последующей финальной пульки. Уже предварительный турнир заставил умолкнуть тех, кто скептически отнесся к кисловодскому успеху бакинца. Макогонов с отличным результатом – 10 из 12-занял первое место. В финале, где звание чемпиона оспаривали четыре шахматиста, успех сопутствовал москвичу Н. Григорьеву, который набрал 3 очка. Лишь на пол-очка отстал от него Макогонов, выигравший у победителя и завершивший вничью партии с ленинградцем А. Ильиным-Женевским, харьковчанином Д. Григоренко и Н. Сивковым из Курска.

Успех бакинца в Кисловодске, его удачное выступление во Всесоюзном первенстве работников просвещения не могли пройти незамеченными. Макогонов был назван третьим кандидатом на участие в чемпионате СССР 1927 года. Первым в кандидатском списке значился В. Раузер, вторым – М. Ботвинник. И все трое были допущены к участию в 5-м первенстве страны. Перед его началом Макогонов сыграл в чемпионате Баку, легко выиграв его с результатом – 13 очков из 15, а затем начал готовиться к всесоюзному первенству. Анализировал печатавшиеся в журнале «Шахматы» партии будущих соперников, намечал дебюты, которые предполагал играть. Его дебютный багаж был весьма скудным, и он надеялся не на дебют, а на миттельшпиль, где умел найти верный план, и эндшпиль, который уже тогда разыгрывал достаточно четко. Сыграл несколько тренировочных партий с братом Михаилом и поехал в Москву, провожаемый небольшой группой бакинских шахматистов, веривших в своего лидера. «Володя, почаще вспоминайте «Феномен» и наше с вами знакомство, – сказал, улыбаясь, на прощание Гурвич. – Вы тогда пришли, увидели, победили. Почему бы не повторить это в Москве? Не робейте перед авторитетами, не боги горшки обжигают!»

Робости он не испытывал. Так удачно складывавшийся год хотелось и завершить успешно.

ДЕБЮТАНТ СТАНОВИТСЯ МАСТЕРОМ

25 сентября 1927 года, через десять дней после того, как в далекой Аргентине Капабланка и Алехин начали свой исторический матч за мировое первенство, в Колонном зале Дома Союзов в 7 часов вечера торжественно открылся чемпионат СССР, или, как его еще тогда называли, «Пятый Всесоюзный шахматный съезд». Об этом турнире, ставшем важной вехой в развитии шахмат в стране, стоит рассказать подробнее.

Прошло шесть лет, как покинул Родину победитель первого чемпионата РСФСР Александр Алехин, год назад навсегда уехал из Советского Союза победитель третьего и четвертого первенств СССР Ефим Боголюбов. Советские шахматисты остались без своих признанных лидеров. И вот теперь им предстояло ответить на два вопроса. Кто из известных мастеров примет чемпионскую эстафету и найдутся ли среди участников молодые шахматисты, способные бросить вызов представителям старшего поколения и заявить о себе как о потенциальных лидерах советских шахмат? Имеющим опыт игры еще в дореволюционных турнирах Дуз-Хотимирскому, Романовскому, Ненарокову, Рабиновичу противостояли Ботвинник, Макогонов, Раузер, Рохлин. Первому из них было всего шестнадцать лет.

26 сентября были пущены часы, и двадцать участников вступили в борьбу (один был свободен от игры). Макогонов встречался со Смородским и хорошо использовал его пассивную игру. Методично наращивая преимущество, бакинец записал в таблицу первое очко. Это было добрым предзнаменованием. Во втором туре Макогонов отложил без пешки партию с Селезневым, но при доигрывании упорной защитой спас пол-очка. А в третьем туре одержал еще одну победу – над Моделем, который займет в итоге четвертое место. Итак, после трех туров у дебютанта 2,5 очка, и он среди лидеров. Однако следующие три тура принесли Макогонову лишь пол-очка. Он с трудом свел вничью партию с Рабиновичем и проиграл Перфильеву и Ботвиннику. Пройдет шестьдесят лет, и как-то в разговоре со мной Ботвинник спросит: «Вы не могли бы узнать у Макогонова, сохранилась ли у него запись нашей партии из чемпионата страны 1927 года? Я, к сожалению, ее потерял, а хотелось бы включить в свой сборник». Увы, записи той партии – первой между этими шахматистами, потом

не раз встречавшимися за доской, у Макогонова не сохранилось. Но через некоторое время Ботвиннику все же удалось найти ее.

Однако вернемся к чемпионату. Позади шесть туров, и у Макогонова пятидесятипроцентный результат – 3 очка. В седьмом туре он был свободен, в восьмом сыграл вничью с Романовским, а затем последовали три рядовые победы, в том числе особенно важная над Дуз-Хотимирским, который претендовал на призовое место. Теперь в активе бакинца 6.5 из 10, и позади половина дистанции. Следующий противник – Ненароков. С ним – ничья. Кстати, в этой партии произошел любопытный инцидент. Ненароков записал при откладывании невозможный ход. Турнирный комитет вынес такое решение: «Обязать Ненарокова сделать штрафной ход королем; предупредить, однако, всех участников, что в будущем в аналогичных случаях партия будет признана проигранной».

В тринадцатом туре внимание зрителей приковано к партии Ильин-Женевский – Макогонов. Ленинградец избирает закрытый вариант сицилианской защиты, тот же, что играл против него два года назад на Московском международном турнире сам Капабланка, над которым советский мастер одержал тогда сенсационную победу. Капабланка атаковал, Ильин-Женевский защищался и неожиданной контратакой с жертвой ферзя выиграл партию. Теперь, спустя два года, атаку ведет уже ленинградец, а бакинец хладнокровно защищается, исподволь готовя контригру по открытой вертикали «с», на которой уже сдвоились черные ладьи. И вот, когда уже казалось, что мат неминуем, атака белых неотразима (такой же неотразимой она казалась и Капабланке два года назад). Макогонов играет королем на f8; и выясняется, что мата на g7 нет. Есть всего лишь один ничего не дающий шах. А черные фигуры, словно ожидавшие того момента, когда атака белых зайдет в тупик, переходят в стремительное контрнаступление. Это была типично макогоновская партия: хладнокровная защита, своевременный перехват инициативы, четкое использование слабостей в расположении противника. Потом он сыграет много таких партий, о которых скажут, что Макогонов действовал в своем стиле. Но тогда, в двадцать седьмом, стиль игры молодого бакинца был еще загадкой для именитых московских и ленинградских мастеров, и они пока пытались понять, в чем же сила этого представителя шахматной провинции. 8 очков из 12-то была серьезная заявка на призовое место. Перед пятнадцатым туром «Шахматный листок» отмечал: «Борьба становится все более упорной и интересной, тем более, что получить звание чемпиона СССР имеют

шансы не только Богатырчук, Дуз-Хотимирский и Романовский, но и Ненароков, Макогонов, Модель. Положение сейчас определяется не столько числом очков, сколько силой оставшихся партнеров. В этом отношении Романовский, Модель и Макогонов находятся в более выгодном положении, чем их конкуренты...»

Увы, наступил спад, и с 15-го по 18-й туры Макогонов набрал только полтора очка. Именно в этом турнирном промежутке дебютант упустил превосходные шансы на призовое место. Ведь в конечном итоге он отстал от Дуз-Хотимирского и Моделя, разделивших 3-4-е места, всего на пол-очка. Завершил турнир Макогонов все же на мажорной ноте. В последних двух турах он выиграл у Григорьева и Раузера, что принесло ему 12,5 очка из 20 и дележ 5-6-е мест с Ботвинником. Дебют, несомненно, оказался успешным. По итогам турнира Макогонову, Ботвиннику, Григорьеву и Моделю было присвоено звание мастера. Мастерский норматив бакинец перевыполнил на 2,5 очка! Обозреватель журнала «Шахматы» в статье, посвященной итогам чемпионата, писал: «Макогонов вполне заслужил завоеванное им звание мастера. Наряду с упорством в защите его игра отличается стремительностью в контратаке». Это, конечно же, было откликом на партию Ильин-Женевский – Макогонов, которая произвела сильное впечатление на специалистов.

С Александром Федоровичем Ильиным-Женевским, талантливым мастером, выдающимся организатором шахматного движения в СССР, турнирная судьба очень скоро вновь свела Владимира Макогонова. В 1928 году ленинградец приехал в Тбилиси, чтобы вне конкурса участвовать в чемпионате Закавказья. И гость с берегов Невы, и посланец Каспия убедительно продемонстрировали свое превосходство над остальными участниками. Набрав по 12 очков из 15, они разделили 1-2 места. Макогонов стал первым чемпионом Закавказья.

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

Всего 2-3 года понадобилось безвестному шахматисту из Баку, чтобы войти в число сильнейших в стране, показать себя одним из наиболее ярких, многообещающих представителей молодого поколения.

Наступил 1929 год – год очередного чемпионата СССР. Естественно было предполагать, что Макогонов, разделивший в предыдущем первенстве 5-6-е места, попытается развить успех, войти в призовую тройку, что было ему вполне по силам. Чемпионат начинался в октябре, и кто знает, как выступил бы на нем Макогонов, как сложилась бы его дальнейшая шахматная судьба, не будь той встречи с Ландау летом 1929 года в Кисловодске, о которой я уже упоминал.

— Ты, знаешь, Володя, – сказал Ландау, – а я ведь собирался написать тебе. Недаром говорят, что на ловца и зверь бежит. Ты мне очень нужен.

— А что такое? – удивился Макогонов.

— Я хочу собрать группу из пяти-шести человек, которая поможет мне осуществить мои замыслы, идеи. Ты – блестящий математик, а именно математика мне недостает в первую очередь. Конечно, я рад твоим шахматным успехам. Но мне кажется, что ты еще большего сможешь достичь в науке. Подумай, над какими интересными проблемами мы будем работать вместе. Не об этом ли мы мечтали в университете?

Макогонов помолчал, а потом сказал:

— Лева, ты помнишь Иовлева?

— Николая Николаевича? Конечно, помню. Он же в Минске сейчас.

— Так вот, я получил недавно от него письмо. И он зовет меня к себе на кафедру, предлагает интересную работу.

— Что ты ему ответил?

— Пока ничего.

— Ты можешь стать большим, настоящим ученым, Володя. Видишь, со мной согласен и Иовлев. Так что выбирай – наука или шахматы. И то, и другое совместить, мне кажется, будет невозможно. Подумай, как следует, и решай. И сразу же дай мне знать.

Они расстались, не догадываясь, что видятся в последний раз.

Письмо Иовлева и особенно встреча с Ландау заронили в душу Владимира сомнения, которые долго не давали ему покоя. Между тем приближался октябрь – начало всесоюзного первенства в Одессе. «Ладно, – решил Макогонов. – Пока сыграю в чемпионате. А когда вернусь, разберусь окончательно».

Он поехал в Одессу вместе с братом, который дебютировал в первенстве страны. Оно проводилось по необычной формуле. Вначале 36 шахматистов были разбиты на 4 подгруппы. По три победителя из каждой подгруппы образовывали две полуфинальные шестерки, которые делегировали четырех сильнейших в финал. Финальный квартет в два круга выявлял чемпиона СССР.

Турнир в своей подгруппе Владимир Макогонов провел уверенно, разделив 1-2-е места с Григорьевым и подтвердив мнение тех специалистов, которые причисляли его и Ботвинника, отличившихся в предыдущем первенстве, к главным претендентам на звание чемпиона. Однако фаворитов ждало фиаско на следующем этапе.

Попали они в одну полуфинальную шестерку, где, казалось, должны были занять два первых места. Но ни тот, ни другой в финал не пробились. Ботвинник был лишь третьим после Кана и Измайлова, набрав 2,5 очка из 5. Владимир Макогонов имел и того меньше – всего 1,5 очка. Столько же было и у Михаила Макогонова, выступавшего в другом полуфинале. Но, если для Владимира такой итог был неудачей, то Михаилу успешная игра в подгруппе, где он разделил 2-3-е места, плюс те самые полтора очка в полуфинале дали право на получение звания мастера.

Владимир не мог не понимать, что его неудача в Одессе во многом связана с теми сомнениями, которые возникли у него после встречи с Ландау. Отложив выбор, он не сумел избавиться от мыслей о нем, и эти мысли преследовали его, мешали сосредоточиться, раздваивали внимание и приводили к неожиданным ошибкам, просчетам.

Он уехал из Одессы, недовольный собой, твердо решив в наступающем, 1930 году дать ответ на вопрос, поставленный Ландау. Ведь ему уже 25, дальше медлить нельзя. Итак, наука или шахматы? Ответ был несколько неожиданным для него самого – женитьба. Да, именно в тридцатом он женился, и решение дилеммы было надолго отложено. Он с головой окунулся в семейную жизнь (много лет спустя Владимир Андреевич скажет: «Семья всегда была для меня прежде всего»), новые заботы увлекли его. Вскоре родился первенец – Анатолий, забот стало еще больше. Да и работа в школе отнимала немало времени. Так и не сказав «да» науке, он временно отошел от шахмат.

У дилеммы вдруг оказалось третье решение. Почти четыре года – с тридцатого по тридцать третий – не играл он в шахматы. Нет, забыть их он не мог. Знал, что еще сядет за доску. Но когда?..

Как-то тяжело заболел его маленький сын. И вот, просиживая часами у кроватки малыша, он стал просматривать турнирные сборники тех лет. Сперва он просто «читал» партию за партией. А потом, чтобы было интереснее, стал искать только диаграммы. Обычно на одну партию приходилось 2-3 диаграммы с позициями, изображающими ключевые моменты поединка. Он ставил перед собой задачу – найти в них правильное продолжение. Одна диаграмма, вторая, третья... Вскоре он почувствовал, что втянулся в это занятие. Вначале оно казалось ему простым времяпрепровождением, не больше. Потом понял – это же прекрасный способ проверить свое умение «схватывать» позицию, быстро находить правильный стратегический план или комбинацию. Так Макогонов пришел к своему ставшему впоследствии знаменитым диаграммному методу подготовки к соревнованиям. «Решишь правильно тысячу-другую диаграмм, почувствуешь, что они даются легко, без чрезмерного напряжения, значит к турниру готов», – говорил он потом всем, кому помогал в качестве тренера. Тогда, в тридцать третьем, после долгого отрыва от шахмат, диаграммы давались ему не без труда, но он чувствовал, как раз за разом все быстрее находит верный план, все реже встречаются ошибки в решениях.

Сынишка выздоровел. Владимир Макогонов снова почувствовал неотвратимую тягу к шахматам, понял, что в споре между ими и наукой победила любимая им игра. Он решил, что останется преподавателем математики в средней школе, но зато эта работа даст ему возможность играть в турнирах.

Как оценить такое решение? Наверное, Макогонов мог стать крупным ученым. Так считали хорошо знавшие его Ландау и Иовлев, и у нас нет оснований не верить им. Но разве он не добился большего, и репутация отличного воспитателя, одного из лучших в Баку педагогов-математиков, которую он снискал за свою сорокалетнюю преподавательскую деятельность, сама по себе не заслуживает признания? А ведь были еще и шахматы!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Годом его возвращения в шахматы стал 1934-й. Конечно, трудно было рассчитывать на то, что длительный перерыв не скажется на его игре. Отсутствие практики дало о себе знать в первом же соревновании. На закавказском турнире, посвященном десятилетию физкультурной организации Грузии, Владимир Макогонов разделил при восьми участниках лишь 6-7-е места с Г. Каспаряном. Первыми были В. Гоглидзе и В. Алаторцев, игравший вне конкурса. Впереди Владимира был и брат Михаил, впервые обошедший его в соревнованиях. Алаторцев писал после окончания турнира в журнале «Шахматы в СССР»: «На результате В. Макогонова жестко отразилось трехлетнее отсутствие тренировки. Когда-то весьма грозный противник, он сейчас способен был проявить только упорство. Не удивительно, что в турнире он смог очень мало показать и добился весьма посредственного результата.»

Макогонов не очень досадовал, читая эти строки. Понимал: написанное вполне соответствует истине. Но он не собирался больше «выпекать блины», подобные тбилисскому, обернувшемуся комом. И это надо было доказать в очередном турнире – открытом чемпионате Баку с участием В. Гоглидзе и В. Раузера. С ними Макогонов и разделил 1-3-е места, став в четвертый раз чемпионом Баку и, по выражению одного из обозревателей, «несколько поправил свое реноме после неудачного выступления в Тбилиси». И все же чемпионат Баку не был тем турниром, где можно было по-настоящему проверить свои нынешние возможности. Зато отборочный турнир к 9-му чемпионату СССР для этой цели подходил вполне. Проходил он в Тбилиси. И именно на глазах у тбилисцев, видевших его фиаско в начале года, хотелось Макогонову не «несколько поправить свое реноме», а окончательно восстановить былую репутацию. Что же, турнир ответственный, состав достаточно сильный (14 участников, в их числе один зарубежный – австрийский мастер Ганс Кмох, естественно, выступающий вне конкурса), так что оставалось только играть и доказывать.

И он доказал, что, если еще и не достиг своей формы 1927-1928 годов, то близок к ней: 8 очков из 13 набрал Макогонов, заняв второе место. Впереди оказался лишь проигравший бакинцу в очной встрече

Гоглидзе, для которого 1934 год был лучшим в его шахматной карьере. Позади остались Кмох, Рагозин. Раузер. Это был несомненный успех для шахматиста, по существу, только-только вернувшегося к турнирной жизни. К тому же была завоевана путевка в финал всесоюзного первенства. Турнир этот, проходивший в Ленинграде с 7 декабря 1934-го по 27 января 1935 года, был не совсем обычным. Оговаривалось, что шахматисты, занявшие первые восемь мест, будут допущены к начинающемуся 15 февраля в Москве международному турниру. Ботвинник, вместе с которым Макогонов дебютировал в чемпионате СССР 1927 года и вместе с ним же одинаково неудачно сыграл в следующем всесоюзном первенстве в Одессе, успел за прошедшие годы два раза стать чемпионом СССР, признанным лидером советских шахматистов. В ленинградском турнире он не участвовал, имея персональное приглашение на московский международный. Но вся «старая гвардия» и талантливая молодежь были в числе двадцати участников чемпионата.

Макогонов не был доволен своим выступлением. Во-первых, играл он неровно. Хорошо проведенные партии, как, например, с чемпионом СССР 1927 года Богатырчуком, Алаторцевым, Пановым, Вересовым, в которых он одержал победы, чередовались со слабыми. Он потерпел шесть поражений – слишком много, по его мнению. И хотя семь побед вывели бакинца на положительный баланс – 10 очков из 19, этот результат принес ему лишь дележ 9-12-го мест. Итог не такой уж плохой, но ведь Макогонов стремился попасть в восьмерку (от цели его отделили только пол-очка), чтобы получить право играть в Московском международном турнире. К участию в нем допустили 12 советских шахматистов: персонально приглашенных Ботвинника и Романовского, первую восьмерку завершившегося чемпионата СССР, а также Кана и Гоглидзе. Кан, как и Макогонов, разделил в чемпионате 9-12-е места, а Гоглидзе и вовсе не участвовал в первенстве, и было непонятно, почему именно им отдали предпочтение. Макогонов был объявлен запасным на случай внезапного отказа кого-нибудь их участников турнира. Но отказов не было, и он так и остался в запасных.

Каждый день его можно было видеть в эти февральские дни 1935 года в Музее изящных искусств, где проходил международный турнир. С благоговением смотрел Макогонов на экс-чемпионов мира Ласкера и Капабланку, ход за ходом внимательно следил за их партиями. Великий кубинец был его кумиром с первых же шагов в шахматах, и вот теперь ему даже не верилось, что он видит его перед

собой. А ведь могло случиться и так, что он играл бы с Капабланкой в одном турнире! Иногда Макогонов заходил в комнату участников и смотрел, как Капабланка анализирует. Быстрота мышления кубинского гения поражала его. Эти совместные анализы во время турнира были постоянными шахматными уроками для молодых советских мастеров.

Кончился турнир, и Макогонов вернулся в Баку. Нужно было осмыслить итоги чемпионата страны, оценить свою игру, понять ошибки. Он вспоминал слова Григория Левенфиша, ставшего чемпионом СССР, в обзоре турнира: «Макогонов хорошо разыгрывает позиционные партии, но теряется в тактических осложнениях, как показывают, например, его партии с Рагозиным и Чеховером». Спустя полвека Михаил Ботвинник напишет: «В. Макогонов являлся одним из сильнейших советских мастеров, он хорошо разбирался в позиционных тонкостях». Эту мысль Ботвинник разовьет в другой статье: «По стилю Макогонов напоминал А. Рубинштейна. Самобытное позиционное понимание сочеталось с недостаточной искушенностью в тактической борьбе».

Итак, и Левенфиш, и Ботвинник отмечали незаурядное позиционное дарование Макогонова и в то же время его неуверенность в тактической борьбе. Так ли это было? Во многом так, но лишь с одной оговоркой. Сам Макогонов не чурался тактических средств, и, если позиция того требовала, смело шел на комбинационные осложнения. И все же тактику он недооценивал. И поэтому нередко, полностью переиграв соперника, добившись стратегически выигранного положения, он, увлекшись чисто позиционным давлением, терял бдительность и пропускал тактический удар, причем, случалось, совсем несложный, а потому особенно досадный. Такое бывает на ринге, когда один из боксеров, загнав другого в угол, не спеша «обрабатывает» его ударами справа и слева, создавая все более солидный запас очков, но упускает на мгновение прижатого к канатам противника, и тот, изловчившись, наносит ему один удар. Всего один, но нокаутирующий. Такой бой обидно проигрывать, и такую шахматную партию – тоже. От этого недостатка Макогонов в полной мере не избавится никогда. То ли в силу своей мягкости, излишнего благодушия, то ли потому, что он поздно пришел в большие шахматы и довольно редко, особенно на первых порах, играл в турнирах. А ведь тактическая зоркость приходит именно на ранней стадии шахматных занятий, позиционными приемами овладевают много позже. Так или иначе, но у него был изъян в игре, и сопер-

ники, конечно, пытались использовать его. Но с каждым годом им становилось это делать все труднее. Мастерство Макогонова росло, опыт накапливался, стиль приобретал все более рельефные очертания.

Каким же он был, макогоновский стиль? Ясный, чистый, опирающийся на тонкое понимание позиции и начисто отвергающий какие-либо сомнительные решения, он был воплощением его характера – спокойного и уравновешенного – и строго математического склада ума, признающего лишь исчерпывающий расчет и полную объективность в оценке.

Может, стиль его, как утверждает Ботвинник, и был близок к рубинштейновскому. Может быть. Но все же идеалом шахматиста для Макогонова всегда оставался Капабланка. Партии гениального кубинца он мог переигрывать много раз, восхищаясь филигранной техникой, глубиной идей и простотой их осуществления. Возможно, игра Капабланки была еще оттого так близка и понятна ему, что ее глубина была, по выражению Ласкера, глубиной математика, но не поэта.

Поэтом Макогонов не был никогда, но математик в нем жил всегда – и у доски классной, и за доской шахматной. И наивысшее удовлетворение он получал только тогда, когда ему удавалось сыграть партию в духе своего кумира. И таких партий со временем становилась все больше. В годы расцвета макогоновского таланта в искусстве позиционной игры с ним мог соперничать в нашей стране лишь Ботвинник. Но я несколько опередил события. Расцвет макогоновского таланта, вернее, его начало, относится к 1937 году, а я остановил свой рассказ на 1935-м. Впрочем, играл он в этом промежутке не так уж много. В конце тридцать пятого в пятый раз выиграл первенство Баку, опередив на пол-очка брата Михаила.

С удовлетворением он прочел сообщение исполбюро Шахкомитета Всесоюзного Совета физической культуры (ВСФК) СССР о том, что утверждены результаты проверки мастеров. Среди сохранивших это звание была и его фамилия. Но он чувствовал, что надо начинать штурм новых высот, ставить перед собой новые задачи. И очередной, 1936 год посвятил подготовке к атаке намеченных рубежей. Готовился серьезно, основательно. Цель была четкой – войти в число призеров 10-го первенства СССР, прочно занять место в ряду сильнейших шахматистов страны.

ЛИХОРАДКА В ТУРНИРНОЙ «ЛИХОРАДКЕ»

Тридцатые годы – самые счастливые для спортивной семьи Макогоновых. Слава о них гремит по всему Закавказью, их имена знают в стране. Четыре брата связали свою жизнь со спортом: двое отдали сердца футболу, двое – шахматам. Одним из лучших форвардов Закавказья слывет Виктор Макогонов. Легенды складываются о вратарском искусстве Валентина Макогонова – голкипера популярной бакинской команды «Темп». Спустя двадцать лет ту же изумительную прыгучесть будет демонстрировать, но на волейбольной площадке, его племянник – Анатолий, старший сын Владимира Макогонова, игрок сборной СССР, капитан сборной Азербайджана, впоследствии ставший тренером челябинских волейболисток.

И все же самой большой надеждой азербайджанских любителей спорта был тогда, в тридцатых, именно Владимир Макогонов. Они верили в его талант, в то, что ему по силам самые высокие места в крупнейших всесоюзных турнирах. Теплым апрельским днем 1937 года с верой в успех провожают Владимира Макогонова родные, друзья, болельщики на чемпионат страны в Тбилиси.

Этот чемпионат занимает особое место в его шахматной жизни. Прошло десять лет с тех пор, как мало кому известный бакинец дебютировал во всесоюзном первенстве и разделил почетные 5-6-е места. Сейчас ему 32 года – пора шахматной зрелости, он накопил опыт, постиг многие тайны игры и чувствовал, что место в призовой тройке – задача вполне реальная, выполнимая. Более того, Макогонов не собирался отказываться и от борьбы за чемпионский титул.

За исключением Ботвинника, чемпионат собрал всех лучших шахматистов страны. И вот 13 апреля двадцать сильнейших вступили в борьбу. В первом туре соперник Макогонова – Андрэ Лилиенталь, один из талантливейших шахматистов того времени, прославившийся за два года до тбилисского чемпионата эффектной победой с жертвой ферзя над самим Капабланкой в гастингском турнире. Бакинец избирает черными в ферзевом гамбите систему, которая тогда носила имя Тартаковера, а ныне известна

всем как система Макогонова-Бондаревского, потому что именно идеи двух советских шахматистов вдохнули в нее новое содержание, сделали одной из самых популярных и надежных защит. Это был первый ценный вклад Владимира Макогонова в теорию дебютов, но далеко не последний. Лилиенталь, встретившись с новинкой, играет беспланово, и черные перехватывают инициативу. У Бакинца грозная проходная пешка и... первое очко в турнирной таблице. А во втором туре – партия с Алаторцевым, в ходе которой произошел обмен «любезностями». Вначале москвич «зевнул» качество, а потом Макогонов просмотрел комбинацию с жертвой слона, и в результате – только вечный шах. В третьем туре Мак (так уже начали в те годы в шахматном мире называть бакинца) в типичном для себя позиционном стиле переигрывает Каспаряна и становится лидером – 2,5 очка из трех.

Этот турнир напоминал качели. Сегодня ты наверху, а завтра слетаешь вниз. Следующие два тура принесли Макогонову два поражения. Первое из них – от Левенфиша, который превосходно разыграл белыми «сицилианку»; как выяснится потом, это поражение окажется решающим в борьбе за первое место. Второй проигрыш – Чеховеру – был крайне обиден. Эта партия очень напоминала знаменитую 27-ю из матча Капабланка – Алехин, где кубинец в совершенно выигранной позиции ошибочно отступил королем (♔f2) в ответ на «предсмертный» шах претендента. И здесь, когда Чеховер в худшей позиции дал шах ферзем с поля g4, Макогонов поставил своего короля на все то же злополучное поле f2 вместо правильного ♔f1 и вынужден был через два хода сдаться (Капабланка ту свою партию закончил вничью, что, впрочем, для него было равносильно поражению).

Две неудачи, и бакинец отброшен в середину турнирной таблицы – у него лишь 2,5 очка из пяти. Надо было наверстывать упущенное, и Макогонов делает рывок. В шестом туре побежден Эбралидзе, потом ничья с Константинопольским и снова выигрыш – у Белавенца, в партии с которым Мак в острейшей ситуации провел интересную комбинацию, сразу решившую исход поединка. Он приблизился к лидерам, но еще не достал их. Впереди после восьми туров были Левенфиш и Юдович – по 6 очков, Константинопольский и Рагозин имели по 5,5. Макогонов – 5.

Отрезок с 9-го по 15-й туры бакинец играет блестяще. Он одерживает победы над Каном, Раузером, Лисицыным и делает четыре ничьи. Сильное впечатление производит его партия с Раузером, в